

)

Что это вообще за вопрос?

Ци Шуюэ от такого вопроса даже слегка растерялся. Он убрал лицо с широкой ладони, обнажив покрасневший кончик носа, и прямо, без утайки уставился на Гуань Е, а под конец лишь инстинктивно выдал:

– Гуань Е, не смей умирать.

– Я не хочу, чтобы ты превращался в монстра, – Ци Шуюэ чувствовал, что слезы снова не слушаются и катятся по щекам. Он принялся беспорядочно растирать их руками, слишком сильно, так что коже на лице стало больно, пока наконец Гуань Е не перехватил его за запястья. Чувствуя себя абсолютно беспомощным – точно котенок, которого насильно прижали к земле, обнажая животик, – он лишь всхлипывал: – Я не хочу, чтобы ты умирал.

И тут Гуань Е снова прижал его к себе.

Они обнимались очень долго. Гуань Е укутал Ци Шуюэ целиком, укрыв в своем объятии, от которого исходил обжигающий жар. Ци Шуюэ казался себе тающим зефирным облачком. Наконец он услышал, как дыхание Гуань Е щекочет ему ухо:

– Я понял.

– Похоже, я ему небезразличен.

Когда ненасытный зверь на дне души на миг получил порцию тепла и затих, насытившись, эмоциональный фон Гуань Е выровнялся, и тут же, задним числом, в нем всколыхнулся липкий страх.

Казалось, ходячий мертвец лишь на пороге смерти наконец осознал, что обязан выжить во что бы то ни стало.

Страх Гуань Е намного превосходил саму смерть. Если он умрет, то как же Ци Шуюэ, которого он оставит совсем одного?

Яркая луна, что вечно должна сиять в ночном небе, в этом рухнувшем, потерявшем порядок мире оказалась беззащитна. Когда рушатся небо и земля, кажется, до луны может дотянуться

каждый. Ци Шуюэ такой изнеженный и мягкий – как можно оставить его одного справляться с этими жрущими людей монстрами и с людскими сердцами, которые ничуть не лучше?

Стоило ему лишь на секунду представить эту картину в голове, как Гуань Е больше не мог подавить ни бушующую внутри жажду убийства, ни всепоглощающий страх, навалившийся со всех сторон. Это чувство было настолько незнакомым, что даже Гуань Е растерялся. Но прямо в тот момент, когда он был готов сорваться в безумие, он услышал тихий всхлип Ци Шуюэ – тот пытался сдержаться, но слезы все равно сорвались наружу.

Хрупкое создание в его объятиях словно стало единственной опорой среди рушащегося мира и последней преградой на пути его рассудка.

Он обязан взять себя в руки.

Опустив голову, Гуань Е неуклюжими, неловкими движениями успокаивал прижавшегося к нему человека, одновременно обдумывая худшее.

Пока он еще не превратился в монстра, он попытается раздобыть припасы, зачистить окрестности от зомби и создать здесь, хотя бы ненадолго, безопасную зону.

Если получится, он даже подыщет для Ци Шуюэ новых союзников... Но слишком уж много было неизвестных переменных, да и времени оставалось до смешного мало. Настолько мало, что Гуань Е не был уверен, успеет ли доделать все сам.

Он набросал карту и написал список, который передал Ци Шуюэ. Через специальное переговорное устройство – старое, брошенное, которым, как он думал, больше никогда не придется пользоваться, – он раз за разом отправлял сигналы наружу. Вот только из-за помех конца света ответа от тех людей пока не поступало.

– Если удастся их найти, покажи им свой пистолет. Они позаботятся о тебе вместо меня.

Вместе со списком прозвучали и эти слова. Выражение лица Гуань Е оставалось максимально отрешенным и спокойным, лишь временами в нем проскальзывала глухая, черная злость на то, что он умрет так рано.

Ци Шуюэ слушал этот бред в полном тумане. Сначала его успокаивало лишь то, что голос Гуань Е звучал рядом, давая крошечную надежду на безопасность. Но когда он увидел эту дурацкую записную книжку, до него наконец дошло.

– Ты уходишь? – губы Ци Шуюэ задрожали, когда он задал этот вопрос. – Ты бросаешь меня?

Его голос становился все тише и хриплее, превращаясь в шепот, способный разбить сердце любому, кто его услышит.

Сердце Гуань Е тоже трескалось.

Помолчав, он произнес:

– Остаться здесь и превратиться в монстра... тогда тебе придется убить меня самому. Ци Шуюэ, это слишком жестоко по отношению к тебе.

Для прежнего Гуань Е такая смерть была бы даже заманчива. Погибнуть от рук Ци Шуюэ, стать первой жизнью, оборвавшейся из-за него, – наверное, это незабываемо.

Но теперь, узнав, что он Ци Шуюэ небезразличен, Гуань Е почему-то жалел его.

Ци Шуюэ будет страдать куда сильнее, чем можно представить.

Поэтому лучшее, что он мог сделать – выложиться на полную перед смертью, переделать все дела, а затем уйти. Уйти как можно дальше и превратиться в одну из тех вонючих тварей там, где его никто не найдет. И если возможно... лучше им больше никогда не встречаться с Ци Шуюэ. Ни при каких обстоятельствах.

Гуань Е все еще сохранял остатки трезвости. Его силы были огромны – он с легкостью мог сдвинуть с места набитый под завязку дубовый шкаф, – но сейчас он почему-то не мог разжать пальцы Ци Шуюэ, вцепившиеся в его одежду.

Ци Шуюэ из последних сил старался не реветь. Он почти не издавал звуков, лишь вжался в Гуань Е и упорно мотал головой.

Нет. Не уходи.

Уже стемнело, общежитие погрузилось в полумрак. Свет никто не включал, и в тишине Ци Шуюэ силой заставил себя взять себя в руки. Прерывисто выдохнув, он проговорил:

- Ты не превратишься в зомби.

Хотя он так говорил, у Ци Шуюэ не было ни единого «доказательства», ни малейшей опоры.

Они с Гуань Е застряли в одинаково безвыходной ситуации, но выбирать не приходилось: оставалось лишь верить в этот абсолютно ни на чем не основанный исход, верить, что чудо снизойдет на главного героя – или, скорее, на него самого.

- Так что оставайся. Вдруг тебе повезет и заражения не будет, – прошептал Ци Шуюэ, словно молитву о прекрасном будущем. – И тогда мы сможем продолжить... быть вместе.

- А если всё-таки заразишься...

Ци Шуюэ легко вздохнул, смиряясь с тем кошмарным сценарием, о котором говорил Гуань Е.

- Когда ты станешь зомби, я убью тебя. Из пистолета, который ты мне дал.

- А потом... – трусливый от природы Ци Шуюэ в этот момент звучал непоколебимо: – Я пойду с тобой. Я не оставлю тебя одного, Гуань Е.

Ци Шуюэ в этот момент действительно чувствовал себя так, будто его сердце превратилось в пепел.

Главный герой умер, сюжет окончательно рухнул. Зачем тогда вообще нужен такой персонаж - "пушечное мясо", как он? Наверняка и этот крошечный мир сейчас временно заморозят, ожидая момента для перезагрузки и эволюции.

Отдел наверняка пришлет более опытных и сильных сотрудников, чтобы те разгребли грандиозный завал, который он тут устроил. И даже если не брать в расчет, сколько ресурсов и сил на это уйдет, самого Ци Шуюэ, кажется, ждет увольнение.

Всё прошлое обратилось в прах. Ци Шуюэ жалел о семье и друзьях из реального мира, но сейчас он испытывал самую настоящую, искреннюю вину перед главным героем, чью жизнь он

собственными руками пустил под откос. Если бы не он, Гуань Е написал бы еще немало легенд.

Все эти тяжелые мысли и чувство вины сошлись в одной точке, заставив тело Ци Шуюэ мелко задрожать. Он лишь тихо выдохнул:

- Прости.

Гуань Е долго не подавал признаков нормальной реакции.

Эта фраза ударила его по ушам, словно грохот среди ясного неба, отчего в голове зазвенело, а по всему телу разлилось... странное, невыносимое зудящее чувство.

Неужели это...

Соитие в смерти?

Конечно, можно было истолковать это и иначе: Ци Шуюэ зависел от него, и, поняв, что он умрет, просто потерял контроль над эмоциями и сболтнул лишнего. Но после первой волны шока Гуань Е вдруг понял, что вовсе не испытывает того ликующего триумфа, которого ждал от подтверждения своей важности. Вместо этого накатила еще более удушающая волна сердцебиения. Жалость и жгучее раскаяние накрыли его одновременно.

Только было уже слишком поздно. Гуань Е шевелил губами, но не мог выдать ни звука.

Он думал лишь о том, как же хорошо: даже умерев, он сможет привязать к себе Ци Шуюэ.

А с другой стороны – разве может Ци Шуюэ тратить свою оставшуюся жизнь на мертвеца?

Всё случилось так, как и хотел Ци Шуюэ. Гуань Е в итоге никуда не ушел. Он выходил наружу, зачищал еще больше зомби, приносил всё новые припасы, пока их маленькая комнатка не заполнилась ими под завязку. В конце концов, уступив настоятельным требованиям Ци Шуюэ, который отказался расставаться с ним, Гуань Е послушно заперся в их спальне.

Ци Шуюэ сам обработал его раны и туго стянул их бинтами, но лишь Гуань Е знал, что плоть

под ними продолжает гнить, расползаясь всё дальше.

Однако его выносливость поражала: в зомби он так и не превратился. Каждый вечер перед сном он сам доставал из ящика с инструментами веревку, связывал себя и отправлялся в ванную.

Но Ци Шуюэ не позволил этому случиться: выполнив его условие и связав Гуань Е по рукам и ногам, запирая его в ванной он отказался наотрез, заявив:

– Хватит и этого.

После чего сворачивался калачиком в кресле прямо напротив него – в пижаме, укрывшись стеганым пледом, сонно моргая.

Последние дни Ци Шуюэ явно не высыпался, под его глазами залегли темные тени. Как Гуань Е мог на это смотреть без боли? Но уговорить Ци Шуюэ лечь на кровать было невозможно: тот упрямо забивался в кресло и бормотал:

– Я буду за тобой следить.

Хотя на самом деле просто хотел быть рядом.

Гуань Е это прекрасно понимал.

В нем даже шевельнулось безумное, хаотичное желание: почему он не мог сдохнуть раньше, зачем приходится так тянуть?

Именно в такую ночь Гуань Е почувствовал изменения в собственном теле: жар стал невыносимым, изнутри его сжигала жгучая жажда. На мгновение кадык дернулся, и Гуань Е хрипло позвал Ци Шуюэ по имени.

Прикрывший было глаза Ци Шуюэ вздрогнул от этого голоса и туманным взглядом посмотрел на него.

В темноте алые глаза Гуань Е в упор смотрели на него.

- Ци Шуюэ, посмотри на меня.

И когда Ци Шуюэ действительно поднял на него глаза, Гуань Е вдруг улыбнулся.

Такой редкой, мягкой улыбкой, которую Ци Шуюэ на его лице почти никогда не видел.

Ци Шуюэ на секунду замер, инстинктивно пытаясь ответить ему слабой улыбкой, но на душе уже залегло тяжелое, свинцовое уныние – тело вперед разума осознало, что именно сейчас произойдет.

Началось.

Гуань Е произнес:

- Возьми пистолет и подойди.

Магазин был набит патронами до отказа – Гуань Е сам снарядил его накануне.

Оружие лежало рядом. Когда Ци Шуюэ коснулся пальцами рукояти, от холода его пальцы едва сгибались, и ему стоило огромных трудов убедиться, что он держит палец на спусковом крючке.

Он подошел к Гуань Е, возвышаясь над связанным мужчиной – точно заправский хладнокровный киллер.

Ци Шуюэ казалось, что сейчас его лицо должно выражать абсолютную, ледяную безжалостность, но Гуань Е лишь вздохнул, глядя на него, и в его голосе прозвучало столько боли и нежности:

- Не плачь, маленький господин.

Ци Шуюэ растерянно моргнул и только тогда понял, что слезы всё-таки пролились. Из-за неудачного ракурса несколько капель упали прямо на лицо Гуань Е.